Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-161-171
https://elibrary.ru/MLYYDQ

© 2023. Елизавета Апалькова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Отражение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в романе Н.В. Нарокова «Мнимые величины»: сюжетно-идейные параллели

© 2023. Elizaveta S. Apal'kova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Reflection of Dostoevsky's *Crime and Punishment* in the Novel *Imaginary Magnitudes* by Nikolay Narokov: Narrative and Ideological Intersections

Информация об авторе: Елизавета Сергеевна Апалькова, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-0042-9494
E-mail: liza_apalkova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются черты преемственности русской классической литературы в романе Н. Нарокова «Мнимые величины», в частности его ориентация на творчество Ф.М. Достоевского и его роман «Преступление и наказание». В романе Нарокова можно обнаружить не только сюжетные, но и жанровые, идейные параллели с «Преступлением и наказанием». В центре произведения — герой-чекист, подобно Раскольникову, одержимый идеей. Спасение он видит в Евлалии, представляющей собой нравственный идеал, как Сонечка Достоевского. Идея Раскольникова о людях «право имеющих» доведена до предела у Нарокова. Он осмысляет с помощью исследования психологии чекиста Любкина трагическую эпоху 1937 года — сталинские репрессии. В творчестве писателя обнаруживаются два типа связей с традициями русской литературы. С одной стороны, это осознанное следование им, желание

сохранить связь с родной культурой в условиях эмиграции. Общение с предшественниками становится своеобразной формой духовного и эмоционального выживания. С другой стороны, обнаруживаются и определенные типологические связи. Сама картина бытия оказывается такова, что в ситуации утраты нравственных ориентиров обнажается и становится более очевидной темная сторона жизни. Нароков в романе «Мнимые величины» показывает актуальность идей Достоевского, его вневременное значение, акцентируя внимание на ложности и безжизненности идей, оторванных от непреходящей правды.

Ключевые слова: Достоевский, литература эмиграции, «Мнимые величины», Нароков, «Преступление и наказание», психологизм, роман, сюжет, традиции.

Для цитирования: *Апалькова Е.С.* Отражение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в романе Н.В. Нарокова «Мнимые величины»: сюжетно-идейные параллели // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 161–171. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-161-171

Information about the author: Elizaveta S. Apal'kova, PhD in Philology, Associate Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0042-9494

E-mail: liza_apalkova@mail.ru

Abstract: The article discusses the elements of continuity with Russian classics in Nikolay Narokov's novel *Imaginary Magnitudes*, namely its orientation towards the work of Fyodor Dostoevsky and his novel *Crime and Punishment*. Parallels with *Crime and Punishment* in the plot, but also in the genre and ideological content, can be found in Narokov's novel. The center of the novel is a Chekist hero obsessed with an idea, like Raskolnikov. He sees salvation in Eulalia, who represents the moral ideal, like Sonechka in Dostoevsky's novel. Raskolnikov's idea of people "who have the right" is brought to the limit by Narokov. Studying the psychology of Chekist Lyubkin, he tries to comprehend the tragic era of 1937, the Stalinist repressions. Two types of links with the traditions of Russian literature are found in the novel. On the one hand, there is a conscious adherence to them, a desire to maintain a connection with the native culture in the conditions of emigration. Communication with predecessors becomes an instrument for spiritual and emotional survival. On the other hand, typological connections can also be found. In a situation of loss of moral guidelines, the dark side of life is exposed and becomes evident. In the novel *Imaginary Magnitudes* Narokov shows the relevance of Dostoevsky's ideas, its timeless significance, focusing on the falsity and lifelessness of ideas divorced from the enduring truth.

Keywords: Dostoevsky, Russian migration literature, *Imaginary Magnitudes*, Narokov, *Crime and Punishment*, psychologism, novel, plot, traditions.

For citation: Apal'kova, E.S. "The Reflection of Dostoevsky's *Crime and Punishment* in the Novel *Imaginary Magnitudes* by Nikolay Narokov: Narrative and Ideological Intersections." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 161–171. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-161-171

Самым известным произведением Н.В. Нарокова[1] считается роман «Мнимые величины», изданный в США, в ньюйоркском издательстве имени А.П. Чехова, в 1952 году. В России он был опубликован лишь в начале 1990-х годов. В романе описана советская реальность сталинской эпохи — 1937 год. Это одно из первых произведений, в котором страшные события 1930-х годов — репрессии — осмыслены как онтологическое зло. В «Мнимых величинах» слышны отголоски многих произведений Ф.М. Достоевского: повести «Двойник» (Семенов — Любкин), «Записок из подполья» (психологическое «подполье» Семенова–Любкина), романа «Братья Карамазовы» («Легенда о великом инквизиторе»: рассуждение о власти, свободе человека и их границах), романа «Идиот» (сознание человека перед лицом смерти: мнимая «казнь» Григория Михайловича и его освобождение), повести «Кроткая» (образ Евлалии) и др. Еще одно произведение Нарокова, в котором также находят отражение традиции Достоевского, роман «Могу!» (1965). В названии заложено жизненное кредо главного героя («могу» соотносится с раскольниковским «право имею»), который в детстве сжал воробья в руках так, что птица перестала биться; это дало ему ощущение того, что он «может».

Подобная преемственность неоднократно отмечалась такими исследователями и критиками, как В.В. Агеносов, Р.Б. Гуль, А. Седых, О.С. Сухих, В.Н. Турбин и др. Так, О.С. Сухих отмечает: «Н. Нароков, пытавшийся одним из первых в русской литературе художественно осмыслить и воплотить в романной форме реальную практику создателей “абсолютного государства”, нашел опору для этого в художественной традиции и философии Достоевского» [Сухих, 2004, с. 44]. В творчестве писателя можно найти два типа связей с традициями русской литературы. С одной стороны, это осознанное следование им, желание сохранить связь с родной культурой в условиях эмиграции. Общение с предшественниками становится своеобразной формой духовного и эмоционального выживания. С другой стороны, обнаруживаются и определенные типологические связи: сама картина бытия оказывается такова, что в ситуации утраты нравственных ориентиров обнажается и становится более очевидной темная сторона жизни. Произведения Досто-

[1] Николай Владимирович Нароков (1887–1969) (настоящая фамилия Марченко) — писатель второй волны русской эмиграции. Он пережил репрессии 1930-х годов и в 1943 году уехал вместе с женой и сыном.

евского часто называют романами-предупреждениями, в «Мнимых величинах» Нарокова показаны последствия той вседозволенности, опасность которой описана в романах Достоевского. Как отмечает Р.Б. Гуль в рецензии на роман Нарокова, некоторые сцены в нем похожи на «театр ужасов» [Гуль, 1953, с. 307].

Нароков в романе «Мнимые величины» связывает истоки сталинских репрессий с идеями романа «Преступление и наказание». Во-первых, это оправдание насилия над отдельными людьми ради абстрактной идеи всеобщего блага. Если Раскольников считает, что сможет облагодетельствовать миллионы, убив «ненужную старуху», то Любкин так же оправдывает насилие власти абстрактной идеей «общего дела». Во-вторых, это тема власти. Раскольников делит людей на два разряда: «право имеющие» (власть) и «твари дрожащие». Любкин получает власть над людьми, но не выдерживает ее бремени, постепенно осознавая ее мнимость, иллюзорность. В-третьих, безграничная власть лишает людей нравственных ориентиров. У Достоевского это звучит как предупреждение, у Нарокова же показан результат потери этих ориентиров. Наконец, в обоих романах есть образы героинь, выступающих мерилом нравственности — Сонечка и Евлалия. Более того, Нароков использует и жанровую традицию романа в духе Достоевского, сохраняя преемственность с классической русской литературой.

Одна из проблем, поставленных в романе Нарокова, — дарование насильственного счастья. В основе романа Достоевского также лежит идея, которая определяет ход сюжета, развитие действия, психологию персонажей. В обоих произведениях писатели, используя различные художественные приемы, раскрывают эту идею, показывая ее несостоятельность с помощью психологического анализа. Как отмечает М.М. Бахтин, носители идеи у Достоевского «неотделимы» от нее, читатель «*видит* героя в идее и через идею, а идею *видит* в нем и через него» [Бахтин, 2002, с. 99]. Главный герой романа Нарокова — Любкин — стремится изменить мир и осчастливить, как ему кажется, другого человека — Евлалию, но он не задумывается о средствах достижения желаемого. Действие романа происходит в период «ежовщины» в областном центре, куда на должность начальника из Москвы назначен чекист Любкин, которому дано задание выявить и ликвидировать врагов народа. Сам герой осознает, что никаких врагов нет, а цель происходящего — привести народ в подчинение. Любкин в разговоре с Супруновым приходит к мысли

о том, что их цель — «сто восемьдесят миллионов человек к подчинению привести, чтоб каждый знал: нет его!» [Нароков, 1990, с. 49].

Любкин считал, что способен изменить мир, до того, как увидел несостоятельность большевизма, понял, что это и есть мнимая величина, симулякр. Об этом говорит и название романа — «***Мнимые*** величины». А.И. Ванюков пишет: в романе «сквозь “магический кристалл” заглавия ярко раскрываются многообразные “мнимые величины” советского XX века и уверенно утверждается “настоящее”, человеческое добро, сердце, совесть» [Ванюков, 2017, с. 56]. В центре романа Нарокова — идея большевизма, которая оборачивается мнимой величиной. Она сводит с ума не только заключенных, но и следователей, все находятся в пространстве абсурда, не понимая цели происходящего. «Подлая» арифметика Раскольникова в мире Нарокова доведена до предела: «За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 54]

Нароков, в отличие от Достоевского, смещает акценты: важно не то, что Любкин *может* («право имеет»), а то, что может именно *он*. Второй важный мотив, сближающий идеи Нарокова с Достоевским, это идея преображения героев (Любкин, Григорий Михайлович). Рассмотрим подробнее сюжетно-идейные параллели романа Нарокова «Мнимые величины» и романа Достоевского «Преступление и наказание». По мере развития герои (носители определенных идей) проходят через испытания, сомневаются, переосмысляют свои убеждения, постепенно приходя к противоположным взглядам, разочаровываясь в своей идее. Подобные идеи зачастую требуют проверки, т.е. совершения поступка, доказывающего их несостоятельность. Нароков, будучи математиком по профессии, объясняет значение термина, вынесенного им в название: это несуществующая величина, которая при умножении на саму себя превращается в минус единицу, т.е. реальную величину, но с отрицательным знаком. Такими в романе представлены сотрудники НКВД: каждый из них отдельно как бы вовсе не существует, но вместе они становятся страшной злой силой. Так в романе показаны несостоятельность советской власти и «мнимость» большевизма.

Теория Раскольникова о двух разрядах людей разрослась в романе Нарокова до грандиозных масштабов: вся страна поделена на тех, кто имеет право карать, и тех, кто не имеет права голоса. Эти

мысли находят отражение в рассуждениях одного из заключенных в камере (Кораблева): «Но смысл современной трагедии не в том, что есть разные народы и разные классы, а в том, что есть разные породы <...> Есть одна порода людей, обыкновенного человека <...> Но кроме этого человека на земле существует еще и человек другой породы <...>, который заставляет всех быть его рабами» [Нароков, 1990, с. 220–222]. Главное для людей другой «породы» — власть, «власть для власти» [Нароков, 1990, с. 222]. В обоих романах важна тема ее фантомности и, как следствие, фантомности жизни. Раскольников создает под влиянием своей теории мир, который представлен в эпилоге (сон на каторге). Достоевский подробно исследует психологию Раскольникова, возомнившего себя свехчеловеком, право имеющим, Нароков же со всей психологической глубиной анализирует образ чекиста. Герой Достоевского остается убежденным в своей теории вплоть до финала романа, в то время как Любкин изначально сомневается («настоящие ли это?» [Нароков, 1990, с. 49]). Он не верит в идею всеобщего блага и приходит к Евлалии, чтобы убедиться в том, что он еще способен на что-то хорошее. Любкиным движет идея, но не его собственная, она дана ему свыше и вызывает сомнения. Им, по сути, как и всеми, управляет страх. Практически каждый из героев по-своему становится жертвой системы. Власть над жизнями других противоестественна, поэтому чекисты не выдерживают ее гнета и даже доходят до самоубийства, осознавая абсурд происходящего, теряя себя. Следователи понимают сфабрикованность дел, но еще верят в какую-то высшую идею, хотя в полной мере не понимают ее целей. У Любкина и Супрунова никаких иллюзий нет: они уже давно осознали, что в основе происходящего в стране лежит стремление высшего партийного руководства к власти ради власти. Однако есть и те, кому власть, граничащая с жестокостью, доставляет некое удовольствие, как Жорке или Бухтееву. Последний придумал систему «фиктивных расстрелов» (эти сцены, несомненно, связываются с романом «Идиот»). И Достоевский, и Нароков с помощью средств психологического анализа показывают внутренние сомнения, нравственные мучения, через которые проходят герои — носители идей — Раскольников и Любкин.

Сон Раскольникова о забитой кляче и воспоминания Любкина о раздавленном поездом человеке выявляют то человеческое, «настоящее» (по определению Любкина), что присуще обоим

героям, несмотря на то «ненастоящее», наносное, под влиянием которого оба героя исказили свою истинную природу и пошли на преступления против совести и человечности. Любкин утверждает, что он чувствовал, как «паровоз на него и через него всеми своими пудами переезжал» [Нароков, 1990, с. 27]), когда он переехал другого человека. Вопрос совести в обоих романах решается идентично: и в Раскольникове, и в Любкине в итоге «просыпается» совесть под влиянием «настоящего» (Сонечки и Евлалии), которое оба героя чувствуют нутром. Кораблев говорит: «Мы считаем совесть не то просто стыдом, не то только раскаяньем <...> А ведь совесть – это страшная сила!» [Нароков, 1990, с. 223]. И эту страшную силу ощущает и Евлалия: «Эта сила враждебна всем и угрожает всем, а потому и объединяет всех, чистых и грязных, праведников и преступников» [Нароков, 1990, с. 177].

В романе Нарокова, в отличие от произведения Достоевского, нет сложной системы двойников или, по М.М. Бахтину, полифонического диалогизма. Двойственность главного героя у Нарокова больше внешняя, чем внутренняя. Любкин и Семенов — один и тот же человек, который до конца романа существует в двух ипостасях. Нароков ведет две сюжетные линии: линия Семенова, который иногда приходит к Евлалии и помогает ей (устраивает на фиктивную работу, дает перепечатку рукописей и др.); и линия Любкина — чекиста, стоящего во главе «чистки». Однако психология героя раскрывается через его товарища Павла Семеновича Супрунова. Именно в совокупности, «взятые в неразрывном единстве», эти герои создают образ «человека системы» [Бабичева, 2020, с. 222]. М.Е. Бабичева пишет: «<...> граница между добром и злом проходит через душу Любкина, заставляя его раздваиваться. На внешнем уровне Любкин противопоставлен Евлалии как носительнице нравственного Абсолюта и Супрунову как человеку-монолиту, начисто лишенному сомнений и даже не осознающему безнравственности своей жизненной позиции» [Бабичева, 2020, с. 227].

В «Преступлении и наказании» каждый из героев загнан в свой собственный угол. В романе Нарокова аналогичная ситуация: Варискин, бывший председатель горсовета, мечтающий попасть в «отбор», придумывает несуществующую тайную организацию «Черная рука», в которой якобы состоят Любкин и Супрунов; Яхонтов, стоящий перед выбором, как реагировать на эту ложь (его «убирают» Любкин и Супрунов); в конечном счете сами Любкин

и Супрунов оказываются загнанными в угол. Любкин говорит: «Выхода, брат, нету: ни направо, ни налево, ни прямо» [Нароков, 1990, с. 294]. Оказавшиеся в нравственном тупике и Раскольников, и Любкин интуитивно тянутся с «настоящему»: Раскольников — к Соне, Любкин — к Евлалии.

Раскольников в эпилоге «пробуждается» к новой жизни, для Любкина самой важной становится мысль о «новом Любкине». Он сомневается, может ли он стать другим, надежду ему дает Евлалия: «Нет, не то, что вы “для меня” сделали, а то, “почему” вы для меня это сделали!.. Понимаете? Ведь оно как раз и есть настоящее!» [Нароков, 1990, с. 330]. Любкин понимает, что «настоящему», то есть Евлалии, не выжить под напором этой страшной силы, поэтому он, подобно Свидригайлову, перед своим уходом навсегда поручает ее Супрунову. Любкин называет ее «голубенькой», как и Софья Дмитриевна, набожная старушка-соседка. Вероятно, здесь подразумевается ассоциация с голубем из Ноева ковчега. После потопа именно голубь принес масличный лист, и Ной узнал, что вода сошла с земли (Быт. 8:11): наступила новая жизнь, пришло очищение от прошлых грехов.

Сонечка жертвует собой ради семьи, Евлалия тоже: ее муж попал в лагерь по доносу ее отца, Григория Михайловича, но, даже узнав об этом, она не отступает в своей решимости идти до конца — к «самому Любкину», чтобы похлопотать о его [своего отца] освобождении после ареста. Поведение Мармеладова, отца Сонечки, и Григория Михайловича, отца Евлалии, во многом противопоставлено, несмотря на то, что в обоих произведениях оно потребительское (Мармеладов брал заработок Сони на выпивку, вынудив ее своим бездействием пойти по желтому билету; Григорий Михайлович просто воровал деньги у дочери, оставляя ее порой без гроша). Мармеладова, в отличие от Григория Михайловича, с самого начала мучит совесть: он осознает всю низость своего поведения, погубившего его дочь, он по-настоящему любит свою семью. Григорий Михайлович абсолютно не испытывает терзаний, сам же подталкивает Евлалию к связи с Любкиным, хотя ситуация, в которой находятся герои Нарокова, не столь безвыходная, как у семьи Мармеладовых. Григорий Михайлович по степени нравственного падения близок скорее Свидригайлову. И Мармеладов, и Григорий Михайлович в итоге осознали безнравственность своего поведения, низость своих поступков по отношению к дочерям. Конец обоих

плачевен: Мармеладов гибнет под копытами лошадей, Григорий Михайлович бросается под поезд. Отец Евлалии меняется лишь в конце романа, переживая преображение, что созвучно идеям Достоевского.

Сцена покаяния Любкина перед Евлалией после убийства любовницы прямо отсылает к аналогичному эпизоду из романа Достоевского. Оба героя испытывают острую потребность высказаться, покаяться перед теми, кто в состоянии их понять и принять. Ключевую роль в обоих романах играет Евангелие как отражение главной идеи произведения. В романе Достоевского убийца и блудница сходятся за чтением великой книги: притча о воскрешении Лазаря раскрывает содержание всего романа. У каждого человека есть надежда на воскрешение души. В эпилоге Евангелие лежит под подушкой Раскольникова, он уже нравственно готов к внутреннему изменению. Любкин в конце романа жаждет найти Евангелие, где-то глубоко в его памяти сидит мысль о «соли», о которой он когда-то читал. Даже у Евлалии не находится книги: она интуитивно тянется к свету. Настоящим же хранителем истины оказывается Софья Дмитриевна, у которой они и берут Евангелие. Желание вспомнить этот отрывок и перечитать еще раз становится для Любкина настоящим наваждением: «А я вот все это на поверку взял да и в самую суть, в самую существенную суть заглянул. И вижу: делов много, а соли нет! Нет у нас соли! Соль-то выходит, у вас осталась» [Нароков, 1990, с. 323]. Надежда звучит из уст Софьи Дмитриевны: «Навалилось оно на всех и давит...и выходит так, вижу я теперь, что оно даже и на них самих давит <...> их, выходит, оно тоже раздавливает. Значит, оно такое, что оно только давить может, а больше ничего не может!» [Нароков, 1990, с. 333].

В настоящей работе намечены основные точки сопоставительного анализа двух текстов. Роман Нарокова, как и произведение Достоевского, это роман идей, что раскрывается прежде всего в монологах и диалогах персонажей. Однако стоит учитывать и другие уровни, в частности, художественные особенности (на языковом уровне параллели очевидны), систему образов, символические детали (например, оппозиция тьма — свет), онейрические мотивы, описание интерьера, способы создания портретов и др. Так, Достоевский использует приемы косвенного психологизма, например двойного портретирования персонажей: в сознании читателя сталкиваются разные портреты Раскольникова — от прекрасного до безобразного.

Таким образом, Нароков в романе «Мнимые величины» показывает актуальность идей Достоевского, его вневременное значение, акцентируя внимание на ложности и безжизненности идей, оторванных от непреходящей правды. Писатель решает проблемы современности посредством обращения к лучшим образцам русской литературы XIX века. Оба романа можно назвать философско-психологическими. Достоевский глубоко исследует психологию «сверхчеловека», Нароков — сотрудника НКВД. Для обоих писателей важна мысль о преображении души героя, одержимого ложной идеей. Так, О. Бараш пишет: «Роман Нарокова полон веры в конечную победу добра и духа, в то же время он напоминает, что человек, пытающийся уничтожить границу между добром и злом, уничтожает в первую очередь себя, обращая свою личность в мнимую величину» [Бараш, 1990, с. 60–61].

Список литературы

1. Бабичева, 2020 — *Бабичева М.Е.* На чужбине писали о Родине: проза второй волны русской эмиграции. М.: Пашков дом, 2020. 590 с.
2. Бахтин, 2002 — *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960-х–1970-х гг. 800 с.
3. Бараш, 1990 — *Бараш О.* Бытие на пороге небытия // Литературное обозрение. 1990. № 11. С. 59–61.
4. Ванюков, 2017 — *Ванюков А.И.* «Мнимые величины» Н. Нарокова: поэтика заглавия и структура романа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 1. С. 51–57.
5. Гуль, 1953 — *Гуль Р.Б.* [Рецензия] // Новый журнал. 1953. № 33. С. 306–308.
6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Нароков, 1990 — *Нароков Н.* Мнимые величины. М.: Худож. лит., 1990. 334 с.
8. Сухих, 2004 — *Сухих О.С.* Философские мотивы произведений Ф.М. Достоевского в романе Н. Нарокова «Мнимые величины» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2004. Вып. 1 (5). С. 36–44.

References

1. Babicheva, M.E. *Na chuzhbine pisali o Rodine: proza vtoroi volny russkoi emigratsii* [*Writing of the Motherland in a Foreign Land: The Prose of the Second Wave of Russian Emigration*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2020. 590 p. (In Russ.)

2. Bakhtin, M.M. *Sobranie Sochinenii: v 7 tomakh* [*Collected Works: in 7 vols*], vol. 6: “Problemy poetiki Dostoevskogo”. Raboty 1960-kh – 1970-kh gg. [*Problems of Dostoevsky’s Poetics.* Works 1960s – 1970s]. Moscow, Russkie slovari, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2002. 800 p. (In Russ.)

3. Barash, O. “Bytie na poroge nebytiia” [“Being on the Brink of Nothingness”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 11, 1990, pp. 59–61. (In Russ.)

4. Vaniukov, A.I. “‘Mnimye velichiny’ N. Narokova: poetika zaglaviia i struktura romana” [“*Imaginary Values* by N. Narokov: Poetics of Title and Structure of the Novel”]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 19, no. 1., 2017, pp. 51–57. (In Russ.)

5. Gul’, R.B. “Retsenziia” [“Review”]. *Novyi zhurnal*, no. 33, 1953, pp. 306–308. (In Russ.)

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Narokov, N. *Mnimye velichiny* [*Imaginary Magnitudes*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 334 p. (In Russ.)

8. Sukhikh, O.S. “Filosofskie motivy proizvedenii F.M. Dostoevskogo v romane N. Narokova ‘Mnimye velichiny’” [“Philosophical Motifs from Dostoevsky’s Works in the Novel *Imaginary Magnitudes* by Nikolay Narokov”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 1 (5), 2004, pp. 36–44. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023
Одобрена после рецензирования: 13.05.2023
Принята к публикации: 15.05.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 10 May 2023
Approved after reviewing: 13 May 2023
Accepted for publication: 15 May 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023